NAMANGAN DAVLAT UNIVERSITETI
ILMIY AXBOROTNOMASI, [2026-9]
ISSN:2181-1458
ISSN:2181-0427

10.00.00-FILOLOGIYA
journal.namdu.uz
PHILOLOGICAL

КОРАН: МОТИВЫ, РЕЦЕПЦИЯ, ТРАНСФОРМАЦИЯ ДАНИИЛА АНДРЕЕВА

Очилова Насиба Нематовна
Ассистент кафедры Русского языка и литературы СамГПИ
nasiba.nematovna@mail.ru
ORCID: https://orcid.org/0009-0006-8345-6119

Аннотация: *Статья посвящена исследованию восточного цикла стихотворений Даниила Андреева, в частности произведений «Серебряная ночь Пророка» и «Палестинская мелодия» из сборника «Голоса веков». В центре внимания – механизмы освоения русским поэтом мусульманской религиозно-культурной традиции и ее трансформация в индивидуально-авторскую художественную систему. Актуальность работы обусловлена необходимостью пересмотра имагологических подходов в литературоведении и выявления роли поэзии как инструмента цивилизационного диалога в поликультурном пространстве России. В отличие от предшествующих исследований, сосредоточенных на биографическом или общерелигиозном контексте, в данной работе предлагается системно-концептуальный анализ восточных текстов Андреева, позволяющий рассматривать их не как экзотическую ориентальную стилизацию, а как результат глубинного метафизического сращения «своего» и «чужого» материала. Новым является выявление специфических приемов поэтической адаптации коранических смыслов, при которых заимствованные образы перестают быть внешними и становятся органичной частью авторского миропонимания.*

Ключевые слова: *поэтическая интерпретация Корана, межкультурный диалог, метафизический хронотоп, имагология, ориентальная поэтика, цивилизационно-религиозная коммуникация.*

QUR’ON: DANIIL ANDREYEV IJODIDA MOTIVLAR, RESEPSIYA VA TRANSFORMATSIYA

Annotatsiya: *Maqola Daniil Andreyevning sharq turkumiga kiruvchi she’rlari, xususan, «Asrlar ovozi» to‘plamidagi «Payg‘ambarning kumush kechasi» va «Falastin ohangi» asarlari tadqiqiga bag‘ishlangan. Diqqat markazida rus shoiri tomonidan musulmon diniy-madaniy an’anasining o‘zlashtirilishi mexanizmlari va uning individual-muallif badiiy tizimiga aylanishi turadi. Ishning dolzarbligi adabiyotshunoslikdagi imagologik yondashuvlarni qayta ko‘rib chiqish hamda Rossiyaning polimadaniy makonida she’riyatning sivilizatsiyalararo muloqot vositasi sifatidagi o‘rnini aniqlash zarurati bilan izohlanadi. Biografik yoki umumdiniy kontekstga qaratilgan oldingi tadqiqotlardan farqli ravishda, ushbu ishda Andreyevning sharq matnlariga tizimli-konseptual tahlil taklif etiladi; bu tahlil ularni ekzotik orientalistik stilizatsiya emas, balki «o‘z» va «o‘zga» materialning chuqur metafizik qo‘shilishi natijasi sifatida ko‘rish imkonini beradi. Ishning yangiligi qur’oniy ma’nolarni she’riy moslashtirishning o‘ziga xos usullari aniqlanganida ko‘rinadi: bunda o‘zlashtirilgan obrazlar tashqi bo‘lib qolmay, muallif dunyoqarashining organik qismiga aylanadi.*

Kalit so‘zlar: *Qur’onning she’riy talqini, madaniyatlararo muloqot, metafizik xronotop, imagologiya, orientalistik poetika, sivilizatsion-diniy kommunikatsiya.*

THE QURAN: MOTIFS, RECEPTION, TRANSFORMATION OF DANIIL ANDREEV

Abstract: *The article is dedicated to the study of the Oriental cycle of poems by Daniil Andreev, specifically the works «The Silver Night of the Prophet» and «The Melody of Palestine» from the «Voices of the Ages» collection. The focus is on the mechanisms of the Russian poet’s mastery of Muslim religious and cultural tradition and its transformation into an individual-author artistic system. The relevance of the work is driven by the need to revise imagological approaches in literary studies and to identify the role of poetry as a tool for civilizational dialogue within Russia’s multicultural space. Unlike previous studies focused on biographical or general religious contexts, this work offers a systemic-conceptual analysis of Andreev’s Eastern texts, allowing them to be viewed not as an exotic Oriental stylization, but as the result of a profound metaphysical fusion of «one’s own» and «others» material. What is new is the identification of specific techniques for the poetic adaptation of Quranic meanings, whereby borrowed images cease*

Keywords: *poetic interpretation of the Qur’an, intercultural dialogue, metaphysical chronotype, imagology, Oriental poetics, civilizational and religious communication.*

Введение

Актуальность исследования обусловлена возрастающей ролью межкультурного и религиозного диалога в условиях глобализации и усиления цивилизационных противоречий. В XXI веке, характеризующемся технологической унификацией, но одновременно и ростом культурно-религиозной самоидентификации, литературный обмен становится не просто формой художественной коммуникации, но и инструментом преодоления мировоззренческих барьеров. Русская литература, в силу геополитического положения России и её

многовекового взаимодействия с исламским миром, накопила значительный опыт освоения восточных религиозно-философских концептов. Ещё А.А.Потебня отмечал, что «процесс поэтического творчества является необходимым для них самих и период развития и завершения поэтической деятельности наступает вместе с завершением их собственного развития» [1, с. 229]. Как справедливо отмечал П.В. Тартаковский, к началу XX века «начала ощущаться историческая ограниченность модели мира, которую на протяжении долгих и неспокойных веков вырабатывало европейское мышление». Все более неуместным выглядело желание стоить историографические, религиозные, правовые, нравственные и эстетические концепции, основываясь исключительно на опыте общественной жизни Европы» [2, с. 28]. Эта методологическая установка требует пересмотра механизмов рецепции «чужого» духовного опыта в рамках национальной поэтической традиции.

Объектом исследования является восточный цикл стихотворений Д.Л. Андреева, представленный в сборнике «Голоса веков» и включающий, в частности, произведения «Серебряная ночь Пророка» и «Палестинская мелодия».

Обзор литературы и методология

Материалом исследования послужили поэтические тексты Д.Л. Андреева из цикла «Голоса веков» (в частности, «Серебряная ночь Пророка» и «Палестинская мелодия»), а также публицистические и дневниковые записи автора, позволяющие реконструировать его мировоззренческие установки.

В работе применяется комплексная методология, включающая следующие методы:

Сравнительно-исторический метод. Применяется для установления преемственности между традицией русского ориентализма (в частности, коранических интерпретациями А.С.Пушкина) и творчеством Д.Л. Андреева. Данный метод позволяет выявить эволюцию имагологических представлений о Востоке в русской поэзии первой половины XX века.

Структурно-семантический метод. Используется для анализа формальной организации стихотворных текстов: ритмического рисунка, строфики, синтаксических конструкций, систем повторов и пауз. С помощью этого метода в работе исследуется, как внешняя форма (структура) участвует в порождении семантических значений, связанных с восточной топикой.

Мотивный анализ. Применяется для выделения устойчивых тематических блоков (мотивов), восходящих к коранических сюжетам (мотив пророчества, мотив ночного странствия, мотив священного текста). Анализ мотивов позволяет проследить способы адаптации исламских религиозных смыслов в светском поэтическом дискурсе.

Элементы интертекстуального анализа. Используется для выявления скрытых и явных отсылок к Корану, а также к другим источникам, что позволяет охарактеризовать характер диалога Андреева с мусульманской традицией.

Применение данной методологической триады (исторический – структурный – семантический подходы) обеспечивает комплексный характер работы и позволяет рассматривать поэтические тексты как сложные знаковые системы, взаимодействующие с инокультурным материалом на разных уровнях – от тематического до глубинного метафизического.

Результаты и дискуссия

Проблема авторской концепции мировой истории и культуры в творчестве Даниила Андреева состоит в сложной составляющей подхода данного представителя поэзии к проблемам мира. Даниил Андреев, поэт-мистик, чья одаренность очевидна, подарил человечеству не просто стихи, а грандиозную модель истории культуры – внутренне непротиворечивый комплекс идей, настроений и философем. В центре его построений – триада Россия-Запад-Восток, которую он видит не как противостоящие силы, а как связанные единой целью «созидательные органы» человечества. Интуиция Андреева – это дар большого художника и проникновенного лирика чутко улавливающего «музыку сфер» и грядущие токи истории. Его творчество рождает особую оптику восприятие мира, существующего в неразрывном единстве вертикали (духовного устремления) и горизонтали (земного бытия). Облекая жизненные факты в притчевые формы и мифологические образы, Андреев приходит к прозрениям, чья глубина и точность убедительно свидетельствует о самобытности и мощи его мировидения М.Н.Эпштейн, говоря о необычной талантливости поэта, сравнивая его поэтическое мастерство с «дантовской мощью потусторонней фантазии» [3, с. 458], имея в виду необыкновенный художественный мир поэта, его способность видеть в окружающей действительности редкие откровения и открытия, помогающие осознать имплицитные ресурсы искусства. В поэзии Даниила Андреева важнейшую структурную и смыслообразующую функцию несет художественный дискурс «рефлексии над собственными и «чужими» текстами» [4, с. 213]. В этом плане, понимание иных поэтических систем миросознания для него, это главный «способ познания иных реальностей и метаисторического смысла событий» [4, с. 417]. Поэт в своем обращении к Востоку проникает в него настолько деликатно, что создается впечатление, что он работает не с чужим, а очень важным и личностно близким материалом.

Интерпретация Востока в творческом сознании Даниила Андреева отличается исключительной сложностью и внутренней многогранностью. Будучи ярким представителем переломной исторической эпохи, поэт в силу особенностей своей духовной организации оказался с ней неразрывно связан, тонко чувствуя ее кризисный характер. Эта глубинная связь стала источником его уникальной способности к многомерному и проникновенному восприятию действительности. Что же касается его целостного, всепроникающего мировосприятия, то главным было объяснение данного мира, возможность диалога и объединения разрозненных звуковых и смыслообразующих пространств, объединенных в единое понимание Востока. Проникая в его глубь, Д.Андреев пытался раскрыть

важную суть этой части света, углубляясь в специфичность и непохожесть географического пространства, оставлял достаточно серьезные размышления по этому поводу. Ценность анализа историко-культурной концепции Даниила Андреева заключается в возможности проследить взаимосвязь между эмпирической реальностью и трудно формализуемой областью интуитивного знания. Исследовательская задача состоит в том, чтобы сквозь призму его имплицитной картины мира увидеть авторское сознание, декодируя е только внутреннюю связность его лирических построений, но и те особенности восприятия, что стали почвой для столь масштабной поэтической репрезентации. Характерно, что в немногочисленных, но емких мемуарных зарисовках люди из его окружения особо выделяли глубину и фундаментальную серьезность, которыми была пронизана вся его жизнь. Именно его миросозерцание не исключало возможности взглянуть на мир, как на целое. О нем часто говорили, как о человеке, способном подняться над вершинами духа, соотнося его творчество с поразительными картинами и пророческими видами мира. Метафилософские картины его главной книги жизни «Роза Мира» [5] поднимаются до высот «Божественной комедии» и противопоставляют ей трагическое миропонимание, которое давало возможность к осознанию данного континуума пространства.

Будучи всю жизнь православным христианином и считая религию важным смыслообразующим началом жизни человека, Д.Андреев много внимания уделял осмыслению духовного опыта человечества.

В связи с этим пристального внимания заслуживает трактовка ислама, предложенная Андреевым в «Розе Мира». Причисляя его к «религиям правой руки» на основании наличия в нем божественного откровения, автор также выделял центральную роль Пророка Мухаммада (мир ему и благословение), подчеркивая его уникальное положение и указывая на то, что «не подлежат сомнению ни религиозная гениальность Мухаммеда, ни его искренность, ни его вдохновленность высокими идеалами, ни та особенная огненная убедительность его проповеди, которая заставляет признать в нем подлинного пророка, то есть вестника мира горнего» [5, с. 247]. Подобные умозрения придают поэтической репрезентации мусульманского Востока у Андреева характер отмеченной напряженной дуальностью, конфликтующими элементами и разнонаправленными векторами. Творческое сознание поэта схватывало мир во всей его целостности, не умаляя силы внутренних коллизий. Через призму глубины неординарности судьбы исламского Пророка ему удалось с удивительной точностью выразить фундаментальный дуализм, пронизывающий как микрокосм человеческой личности, так и макрокосм мироздания: «я уходил за городскую стражу, // С моим народом навсегда порвав» [6, с. 153]. Во все творчестве поэта четко прослеживается тенденция амбивалентности Мухаммада (САВ): он – Пророк, святой в религиозном учении Востока, с другой сторонқ, он описқвается вполне земным человеком, проходящим целый ряд сложных жизненных перипетий.

На этом противоречии и возведена вся грандиозная концепция мировой истории культуры Андреева, в сердцевине которой – драма безопасности и надежда возрождения, вселенский провал и искупительное воскресение человечества. Россия, Запад и Восток – три главных актора этой драмы, каждый из которых выполняет свою судьбоносную миссию в развращении центрального конфликта.

Глубоко религиозный мыслитель, Андреев мучительно воспринимал трагическую убыль мощи мира, его духовное и материальное оскудение. И этой картине именно Восток наделен ролью роковой, грозной и необходимой силы, вызову которой обязана своим преображением Россия: лишь в противоборстве с ним она отстаивает право на грядущее, а русский человек, преображаясь, внутренне усваивает сам образ Востока. Почему же в историософской конструкции Андреева Востоку отведена столь важная роль вечного катализатора? В рамках нашего анализа мы намерены продемонстрировать, каким образом, преломляя реальную историческую почву, Андреев творит свой особый, иррациональный мир восточных феноменов. Этот образ Востока – не застывшая догма, а живая, динамичная и целостная система. Поэтические подходы Андреева к исследованию данной темы продиктованы фундаментальной потребностью самого автора в декодировании уникальной природы восточного культурного ареала.

Эстетическое и духовное богатство Востока – его полихромная яркость, орнаментальная сложность и глубины мусульманской мысли – стали органичным и мощным источником его творчества. Эволюционируя на протяжении лет, представления поэта синтезировали в себе совокупность культурных наблюдений и его собственную религиозную рефлексию. Наиболее значительным воплощением этого синтеза стал цикл «Голоса веков», задуманная как поэтическая интерпретация ислама и его священного Писания.

Фундаментом для стихотворения «Серебряная ночь Пророка» послужил коранический нарратив о ночном путешествии и вознесении (аль-Исра валь-Миградж) Пророка Мухаммада (САВ). Тема достаточно важна и серьезна и с точки зрения мусульманской апологетики, так как разрешает очень много вопросов, связанных с рядом религиозных исламских канонов и предписаний. В мусульманских историях о Миградже говорится, что эта ночь предопределила многое в судьбе Мухаммада (САВ). В эту ночь архангел Джибриль (Гавриил) перенес Пророка из Мекки в Иерусалим для того, чтобы он узрел великую и удивительную мощь Всевышнего. Это чудесное событие предварено яркими историями: снисхождение ангела, рассечение груди, обмывание сердца водой источника Замзам, наполнение верой, появление молниеносного Бурака, пустыня, звезды, остановки и совершение ракатов намаза в сакральных местах (Медина, дерево пророка Мусы (Моисея), место рождения пророка Исы (Иисуса)), мечеть Аль-Акса, совершение коллективного намаза, подъем и поэтапное прохождение всех семи небес, знакомство и приветствия Пророков, встречая с Аллахом, предписания народу Мухаммада (САВ). Эту почитаемую в мусульманстве ночь в исламе называют ночью Вознесения или аль-Исра валь Мирадж. Сам Мирадж воспринимается как оказание глубокого уважения и почета последнему из всех Божьих Пророков на земле – Мухаммаду (САВ). О

важности этой ночи в священном Коране говорится в 17 и 53 сурах, которые передают непререкаемую ценность этого события. Если определить генеральный вектор формирования образа у Даниила Андреева, то его можно описать как движение от частного историко-религиозного факта – ночного путешествия Пророка (Исоа и Мирадж) к созданию универсальной, символически нагруженной категории. Этот образ подвергается постоянной смысловой экспансии за счет нарастающей коннотативной насыщенности, что в конечном итоге углубляет и расширяет его информационно-семантический потенциал.

К сюжету о Мираджe Пророка Мухаммада (САВ) апеллировали многие представители русской классической литературы (А.С. Пушкин,

Ф.М. Достоевский, И.А. Бунин), усматривая в данном кораническом нарративе ключ к поэтической интерпретации фигуры исламского Пророка.

Наиболее ярко эта тенденция воплотилась в стихотворение

А.С. Пушкина «Пророк», где актуализируется фундаментальная для мировой культуры тема «Поэт-Пророк». Еще в 1815 году, в период обучения в Царскосельском Лицее, знакомясь с публикациями в «Вестнике Европы», Пушкин знакомится с ориенталистской статьей А. Болдырева «Могаммедово путешествие на небо» [7]. В Этом тексте в доступной форме излагались обстоятельства ночного путешествия (аль-Исра) Пророка Мухаммада (САВ) в Иерусалим и его вознесения (аль-Миградж) к Престолу Аллаха. Болдкрев отмечает и детализирует в статье «обряд очищения Пророка» и говорит, что перед началом Мираджа явившийся Пророку архангел Джибраил (Гавриил) «вынимает из груди его сердце, выжимает из него черную каплю – начало прародительского гнева, моет оное, наполняет верою и познанием и потом кладет его на прежнее место» [7]. Мистический пафос этого описания оказал мощное воздействие на творческое сознание юного Пушкина и становится материалом, которому Пушкин дает свою интерпретацию. Создавая образ «Пророка-Поэта», Пушкин пользуется отдельными эпизодами из информации о мусульманском Пророке. Совершая это творческое преломление, Пушкин производит знаковую замену: канонический для исламского предания архангел Гавриил уступает место мощному библейскому образу – «шестикрылому Серафиму»

Духовной жаждою томим,
В пустыне мрачной я влачился, —
И шестикрылый серафим
На перепутье мне явился…

Этот ход позволяет поэту вывести тему пророчества за рамки конкретной религии, придав ей общечеловеческое, метафизическое звучание. Пушкинские интуиции о сложном пути пророка обретают здесь новое дыхание. Творчески ассимилируя идеи из Священных Писаний – как Библии, так и Корана, - Пушкин фокусируется на глубинных, сущностных параллелях. Тщательное изучение жизнеописаний святых и пророков дает ему ключ к распознаванию той едва уловимой грани, что разделяет прямое божественное откровение пророка и высшее озарение поэта. Пушкинский пророк предстает в качестве синтезирующего образа, вобравшего в себя характерные черты божественных посланников различных традиций и воплощающего идею высшей, духовной правды. Поэт утверждает сакральный статус творца, осознающего божественную предопределенность своего пути, что и обуславливает уникальную семантическую наполненность данного персонажа.

Обнаруживая существенные типологические схождения с жизнеописанием Пророка Мухаммада (САВ),мы можем утверждать, что Пушкин сознательно заимствовал ряд ключевых реалий из истории исламского Пророка, поскольку мир мусульманской духовности органично вписывался в его творческий универсум. В результате поэт конструирует единое метафизическое пространство, объединяющее библейские и коранические истины. Центральной для него становится задача гармоничного соединения этих двух фундаментальных текстов человеческой цивилизации.

Заключение

Проведённые исследование показало, что обращение Д.Л. Андреева к восточной, в особенности кораническoй, тематике не является экзотической стилизацией или данью ориентальной моде. Напротив, поэт реализует глубинную метафизическую стратегию, в рамках которой «чужой» религиозно-культурный материал перестаёт быть внешним по отношению к авторскому сознанию и становится органической частью его художественного мира.

Восток в творчестве Андреева становится местом метафизической силы, осмысляем через призму трагического историзма. Уникальность его подхода определяется системообразующей ролью синтаксической организации и внутренней формы текстов, которые не просто описывают, а конституируют особое восприятие реальности. Это позволяют поэту выстраивать целостную модель диалога культур, основанную на нравственных доминантах и глубоком проникновении в мир кораническихконцептов.

Таким образом, образ Востока у Д. Андреева – это форма художественно-философского сопереживания, определяющая его концепцию мировой истории культуры. Через персонификацию лирического опыта и актуализацию исторической памяти поэт создает единое ассоциативное пространство, где прошлое и настоящее, Запад и Восток сходятся в точке вечного диалога и совместного поиска истины. На этом основании в творчестве Андреева происходит ключевое событие: растворение границ межу Востоком и Западом, между вчера и сегодня. Поэт создает уникальную модель «двухмерного» времени, и из этого сплава рождается центральная идея его взгляда

на историю культуры. В рамках этой идеи Восток получает особую миссию – быть катализатором возрождения и воскресения, возвращения вечных ценностей в сердцевину современности. Образ Востока в этой системе не просто расширяется – он обретает новую онтологическую глубину, становясь структурным элементом многогранной вселенной Андреева. При этом необходимое противостояние-диалог с Востоком осмысливается поэтом не как угроза, а как шанс русской культуры на внутреннее преображение, пробуждение ее дремлющих сил и исполнение ее высшего предназначения. Цельность, глубина и удивительная прозорливость этой культурно-исторической концепции позволяют с уверенностью утверждать6 наследие Андреева-мыслителя представляет собой не менее ценный дар, чем его поэтическое творчество, и заслуживает самого пристального изучения.

Полученные результаты позволяют утверждать, что Андреев не просто заимствует восточные образы, а создаёт самостоятельную художественную модель, обладающую эвристическим потенциалом для понимания межкультурного диалога. Выявленные принципы адаптации «чужого» материала могут быть применены к анализу других примеров ориентальной поэзии. Дальнейшее изучение динамики творчества Андреева в аспекте его взаимодействия с восточной традицией представляет как научный, так и практический интерес для развития имагологических исследований в современном литературоведении.

Foydalanilgan adabiyotlar

1. [1] Potebnya, A.A. (1999) Mysl’ I yazyk [Thought and Language]. – Moscow. 268 p.

2. [2] Tartakovskiy, P.I. (1986) «Arabskiy tsikl» Ivana Bunina [Ivan Bunin’s «Arabic Cycle»]. In P.I. Tartakovskiy, Russkie poety I Vostok [Russian Poets and the East] (pp. 3-42). – Tashkent: Tashkent State Pedagogical Institute (TGPI).

3. [3] Epsteyn, M.N. (2006). Slovo I molchanie: metafizika russkoy literatury [World and Silence: Metaphysics of Russian Literature]. – Moscow. – 559 p.

4. [4] Romanov, B.S. (2006). Puteshestvie s D. Andreevym: kniga o poete-vestnike [Journey with D. Andreev: A Book about the Poet-Messenger]. – Moscow. – 440 p.

5. [5] Andreev, D.L. (1995). Roza mira [Roze of Peace]. In Sbranie sochineniy: v 4 t. [Collected Works: in 4 Vols. (Vol. 2, 492 p). Moscow. (Comp. and text prep. By A. Andreev).

6. [6] Andreev, D.L. (2006). Serebryanaya noch Proroka, Palestinskaya melodiya [The Prophet’s Silver Night. Palestinian Melody]. In Yu.A. Gavrilov & A.G. Shevchenko (Eds). Vzaimnoproniknovenie kul’tur. Koran v russkoy poezii [Mutual Penetration of Cultures: The Qur’an in Russian Poetry] (p. 180). – Moscow: Nauka.

7. [7] Ukazatel’ istoricheskih statey, pomeshchennykh v zhurnalakh: «Vestnik Evropy», «Russkaya mysl’»,»Russkoye bogatstvo», «Mir Bozhiy», «Sovremenniy Mir», «Obrazovaniye» (za 1801-1908gg.) [Index of Historical Articles Published in the Journals: «Bulletin of Europe.» «Russian Thought», «Russian Wealth», «World of God», «Modern World», «Education» (for 1801-1908)]. (n.d.). Rusian State Library. Retrieved September 2, 2026, from https:search.rsl.ru/